

же день, ночью, Мишеля разбудили, и онъ, съ ногъ до головы охваченный ужасомъ, блѣдный, дрожащій, сквозь глухія рыданія, написалъ матери телеграмму. Но спустя минуту разорвалъ ее, и съ жестокой ироніей изобразилъ другую. Въ ней значилось:

Курсы повысились: сегодня въ ночь умерла кузина. Поздравляю.
Графъ Оболитцевъ.

XX.

Спустя двѣ недѣли, изъ Волхонки тащилась телѣжка, запряженная парю сѣрыхъ лошадокъ. Въ телѣжкѣ сидѣлъ Илья Петровичъ Тутолминъ. На облучкѣ лѣпился Мокѣй. Солнце палило нестерпимо. Мелкая пыль вилась за колесами. Неугомонные слѣпни кружились надъ лошадьми и безпрестанно присасывались къ нимъ. Мокѣй сидѣлъ полуоборотясь къ Тутолмину. Онъ вило помахивалъ кнутикомъ и подергивалъ веревочными возжами.

Илья Петровичъ сильно измѣнился. Лицо его потускнѣло и осунулось. Глаза были печальны. Онъ сгорбился точно старикъ и разсѣянно смотрѣлъ, какъ пристыжная лѣнливо перебирала косматыми ногами и вздрагивала, когда слѣпень впиался въ нее своимъ жаломъ.

— Ну, Петровичъ, простись теперь съ Волхонкой! — произнесъ Мокѣй, когда телѣжка вползла на возвышенность.

Тутолминъ медленно оглянулся. Въ долинѣ живописно раскидывалась усадьба. Озеро блестѣло какъ ярко отполированная мѣдь. Бурый камышъ неподвижно отражался въ водѣ. Барскій домъ возвышался тяжелой громадиной. За домомъ, огромнымъ островомъ вставалъ и зеленѣлся садъ. Водяная мельница меланхолически грохотала. Сельская церковь стройно бѣлѣлась, сіяя крестами. Дальше тянулось поле, усыянное копнами, и пустынное жниво; за жнивомъ трепетало обманчивое марево, и смутно вставали деревни. Тамъ и сямъ виднѣлись кусты... Въ высокомъ небѣ гордо кружился ястребъ.

И вдругъ Илья Петровичъ почувствовалъ, какъ что-то щипнуло его за сердце и тоскливо сдавило грудь. Онъ украдкой смахнулъ слезу, одиноко скатившуюся съ рѣсницы, подавилъ тяжелый вздохъ и съ рѣшительностью отвернулся.

И долго они ѣхали въ молчаніи. Возвышенность давно уже миновала. Крестъ волховской церкви едва сіялъ за ними. Кругомъ расходились безмолвные поля; порою возы съ снопами